

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

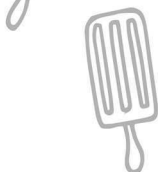
Людмила Мартова

Калач с изюмом

Галина Романова

Счастье по обмену

Татьяна Устинова

Игра в дурака

Елена Дорош

Летние напасти

Альбина Нури
За приоткрытой дверью

Елена Бриолле

Правила дыхательной гимнастики

ЖАРКИЙ ДЕТЕКТИВ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж35

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Ж35 **Жаркий** детектив : сборник рассказов / Татьяна Устинова, Людмила Мартова, Галина Романова и другие. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-185100-2

Поклонники остросюжетной литературы получат огромное удовольствие, читая короткие криминальные истории, вошедшие в сборник «Жаркий детектив»! Любимые писатели — Татьяна Устинова, Людмила Мартова, Галина Романова и другие популярные авторы — по-прежнему удивляют своим остроумием и литературным талантом. Буквально на нескольких страницах развивается увлекательное действие с неожиданной развязкой в пленительном антураже жарких летних дней!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185100-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

• СОДЕРЖАНИЕ •

Людмила Мартова
КАЛАЧ С ИЗЮМОМ
7

Галина Романова
СЧАСТЬЕ ПО ОБМЕНУ
57

Татьяна Устинова
ИГРА В ДУРАКА
105

Елена Дорош
ЛЕТНИЕ НАПАСТИ
109

Альбина Нури
ЗА ПРИОТКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ
172

Елена Бриолле
ПРАВИЛА ДЫХАТЕЛЬНОЙ ГИМНАСТИКИ
196

Ольга Баскова
ПРОГУЛКА ПО МОРЮ
245

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

• КАЛАЧ С ИЗЮМОМ •

Чудное в этом году выдалось лето —
чúдное и чуднóе.

Раскачиваясь на деревянных качелях (перекинута через прибитую к двум врытым в землю столбам перекладину толстая витая веревка, так и норовящая перевернуться под попой дощечка на ней) и кусая большое красное яблоко, Елка задумчиво размышляла, как сильно ударение меняет смысл слова.

Вот чúдное лето означало, что с середины мая установилась жара. Днем температура воздуха поднималась до двадцати пяти — двадцати восьми градусов, а ночью не опускалась ниже восемнадцати. Как следствие, река прогрелась для их широт довольно рано — купаться они как начали в двадцатых числах мая, так и делали это с тех пор ежедневно,

хотя июль уже плавно катился к концу. Еще неделя — и Ильин день, после которого купаться нельзя — вода от камушка стынет.

Так говорила Варькина бабушка, и Елке, выросшей в интеллигентной, а точнее, как она сама осознала, снобистской семье, очень нравился ее напевный говор, полный поговорок, прибауток и народных речевых оборотов. К примеру, Варькина бабушка, которую, к слову, звали тоже очень по-народному, Марфой Васильевной, ни за что не сказала бы про качели «дощечка». В ее устах это прозвучало бы как «досочка» или «досточка». И студентке филфака Елке Резановой, свободно владеющей английским и сносно говорящей по-китайски, этот разговорный русский отчего-то ужасно нравился.

Ей и в доме Марфы Васильевны нравилось тоже, пусть даже он не шел ни в какое сравнение с особняком в принадлежавшем Елкиной семье имении Резановых. Оно год назад досталось ее отцу в наследство от тетушки Инессы Леонардовны, жестоко убитой прямо у находящегося там озера¹.

¹ Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Дом с привидениями».

По этой причине Елка, ранее обожавшая бывать в Резанке, теперь всячески избегала туда ездить. Если раньше она была уверена, что в старом доме обитает привидение, то теперь знала — все это чушь. Привидений она не боялась. Просто воспоминания о тете Инессе, внимательно слушающей рассказы про Елкину жизнь, оплачивающей репетитора по китайскому, подливающей горячий ароматный чай, были болезненными, словно свежий ожог. Тетя ее любила, и этой любви Елке не хватало так сильно, что о ледяное одиночество осиротевшего дома она обжигалась каждый раз, когда туда приезжала.

Ее родители так обожали друг друга, что для Елки места в их сердцах уже не оставалось. Нет, разумеется, они заботились о своей единственной дочери и сильно бы удивились и рассердились, если бы им вдруг сказали, что их девочка чахнет от недостатка любви, но это было действительно так. Раньше компенсировала тетя Инесса, но год назад ее не стало, и Елка осталась одна. То есть с родителями, конечно, но все равно одна. И в Резанке бывать разлюбила, потому что без тети там стало все не так.

Именно поэтому предложение однокурсницы и лучшей подружки Варьки провести

два летних месяца в деревне у ее бабушки Елка приняла с радостью. Сидеть в душном городе глупо, родительский отпуск запланирован на сентябрь, да и собирались они туда вдвоем, без повзрослевшей дочери. Поездки на заграничное море превратились в такой квест, что проходить его не хотелось, да и компанию Елке составить некому: для большинства ее знакомых цена на заграничные курорты ныне была совершенно непосильной. Российский же юг ее ни капли не привлекал: толпы народу и отвратительный сервис за дикие деньги.

Папа предложил пожить летом в имении. Погода прекрасная, условия комфортные, готовит домоправительница Клавдия так вкусно, что за лето легко потолстеешь. Спи, читай, гуляй да плавай в свое удовольствие. Чем не отпуск? Мама с папой, разумеется, согласилась, как соглашалась всегда и во всем. Сейчас, когда казавшаяся совсем недавно неминуемой угроза банкротства отступила, а папино детище — новый лесоперерабатывающий завод — заработал в полную силу и приносил солидную прибыль, родители, казалось, переживали второй медовый месяц. Елка все время чувствовала себя лишней, ей казалось, что она им мешает.

Предложение уехать в настоящую деревню, пожить в обычном деревенском доме с удобствами «на сарае», есть утром кашу, а днем суп, приготовленный в русской печи, валяться на сеновале с книжкой, пить козье молоко, покупаемое у соседей, бегать за домашними яйцами и рассыпчатым творогом на другой конец деревни, а главное — слушать напевную речь Марфы Васильевны, у которой, казалось, есть присказка на любой случай жизни, стало настоящим спасением.

Вся эта деревенская рутина, казавшаяся приезжающей сюда каждое лето Варьке самой обычной, для городской избалованной «куршавелями» Елки укладывалась в парадигму «чудное лето». Она много и охотно помогала подруге и ее бабушке по хозяйству. И тесто на пироги месила, и ягоды собирала, и крыжовник чистила, готовя его к варке «царского» варенья: это когда в сердцевину каждой крупной, мохнатой и очень вкусной ягоды вставлялся миндальный орех. Никогда до этого Елка не любила крыжовника, а теперь с удовольствием облизывала с пальцев сладкий сок.

Еще Марфа Васильевна брала их с собой по грибы. Одним в лес ходить категорически запрещалось. Потеряются еще городские

девки, заблудают, ищи потом со спасателями и волонтерами, позору на всю деревню не обобратся! Но сама с ними ходила два-три раза в неделю, раз уж лето выдалось грибное. Белые они уже и засушили на печке, и закатали маринованными в банки, и наморозили. И маслята замариновали, и рыжики засолили. Марфа Васильевна все обещала, что скоро грузди пойдут, совсем будет хорошо и красота. Как по Елке, хорошо и красота были уже и так.

Скрипнула калитка, и показалась Варька, вкатывающая во двор велосипед, на котором ездила в сельский магазин за сметаной. Бабушка послала. На обед сегодня был запланирован борщ, самый настоящий, огненный, ярко-красный, с плавающими бляшками жира. А вот сметана, как на грех, кончилась.

Была ее очередь. Елка ходила в магазин с утра, пешком, потому что ездить на велосипеде не умела, покупала мясистую грудинку для борща и утку, которую Марфа Васильевна собиралась приготовить на ужин с яблоками и брусникой. Подружка бабушка ворчала, что ее нельзя отправлять за продуктами, она транжира и вечно тратит целое состояние, но Елка только смеялась, норовя каждый раз купить что-нибудь особенно вкусное. В их

семье проблем с деньгами не было, а сидеть два месяца на чужой шее она считала неправильным.

Войдя во двор, Варька прислонила велосипед к забору и подскочила к ней:

— Ой, что я видела!

Лицо у нее горело от возбуждения, покрасневшие щеки и блестящие глаза свидетельствовали, что Варька воодушевлена. Впрочем, в отличие от холодной и рассудительной Елки, с подружкой это часто случалось. Ввести ее в раж могла любая мелочь.

— И что же? — приняла подачу Елка.

— Дорожники приехали. Помнишь, бабушка еще в июне говорила, что от деревни до трассы должны дорогу ремонтировать? Так вот, наконец-то ремонт начнется. В поле за последним домом, ну, тем, разрушенным, вагончики установили. Там рабочие жить будут. Они уже приехали. Симпатичные-е-е...

— И что? — не поняла Елка.

С ее точки зрения, начинать ремонт в конце июля, когда до осенних дождей и распутицы осталось всего ничего, было верхом глупости. Такое лето чудное псу под хвост спустили! Дождей было мало, да и те только по ночам. Сейчас бы уже работу заканчивали, если бы начали вовремя, а так... Пока

начнут, пока раскачаются, дожди пойдут, будут основу в грязь класть, а асфальт и вовсе в снег. Как папа говорит: закапывают деньги в землю, поскольку тратят не свои, а государственные.

— И то! — Голос Варьки звучал сердито. Она частенько сердилась на Елку, что та ничегошеньки не понимает. — У нас в деревне одни старики да старушки, глазу отдохнуть не на ком. А тут парни. Говорю же, красивые!

— Варька, ты невозможна. — Елка доела яблоко, закинула огрызок в дальние кусты и встала с качелей. — Зачем тебе дорожные строители, какие бы красивые они ни были? Что ты с ними делать собираешься? Клуба в деревне нет, так что даже на танцы не сходишь, как прежние поколения делали.

Голос ее звучал не очень уверенно, потому что про деревенские танцы в жизни прошлых поколений Елка знала только из книг. Ее мама, стильная до невозможности Марианна Резанова, дочка советского партийного бонзы, а потом бизнесмена, на сельские дискотеки не ходила точно. Марфа Васильевна рассказывала, конечно: в те времена, когда в деревне было больше двухсот домов и считалась она центральной усадьбой крупного колхоза-миллионера, клуб в ней работал,

и танцы по пятницам и субботам считались основным развлечением для молодежи. Но Елка смутно себе это представляла.

— Да ну тебя. — Варька надула губы. — Вечно все приключение испортишь своим занудством! А я, может, любовь всей жизни встретить хочу.

— Среди дорожных рабочих?

— Нет, среди миллионеров с перспективными стартапами. У меня, Елочка, папы-бизнесмена нет. Главное не деньги, а чтобы человек был хороший, готовый работать для семьи. И меня любил! Так почему бы и не среди дорожных рабочих, тем более что среди них и инженеры имеются?

Ага. Все-таки социальный статус потенциального избранника имеет значение. Елка засмеялась. Как объяснить подружке, что для нее деньги — тоже не главное в будущем муже? И мама любит папу вовсе не за то, что у него они есть. Да когда они познакомились, никаких денег у папы и в помине не было! Откуда им взяться у обычного студента? Просто он ее любил и был готов работать во благо семьи. А деньги потом приложились: к этой готовности и имеющимся способностям.

— Лен, мы ведь ходим туда? — голос Варьки сменился на жалобный. — Ну, типа

в поле, цветов нарвать. Я же одна не могу. Неправильно это.

Ну, разумеется. Варьке нужна компаньонка для того, чтобы показать, так сказать, товар лицом. Елка представила, как они вдвоем чинно вышагивают по дороге, ведущей на другой конец деревни, а потом ныряют в поле, заросшее высокой травой, где собирают букет под пристальными взглядами приехавших молодых людей. Господи, какая же дурь!

Впрочем, неожиданно ей в голову пришла совсем другая мысль.

— Варь, а ты вообще откуда знаешь про вагончики в поле? Ты же за сметаной ездила, а магазин совсем в другой стороне.

Ей показалось или подруга немного смутилась от этого простого вопроса? Елка просто видела, что Варька готовится соврать — у нее всегда в такие минуты начинал мелко дрожать кончик носа, — но не успела. На крыльце, подбоченьясь, появилась Марфа Васильевна.

— Варя, тебя только за смертью посылать! Пошла по масло, а в печи погасло. Давай уже сметану, борщ стынет. Девочки, к столу.

После обеда, сытного и вкусного, как всегда, они с Варькой немножко поцапались. Подруга требовала срочно отправиться

«в поля». Елка наотрез отказывалась, не желая выглядеть глупо в чужих глазах, пусть даже это всего лишь глаза дорожных рабочих.

— Ты как хочешь, а я никуда не пойду, — отрезала она. — И вообще, у меня урок китайского. Я не могу его отменить.

— Ну и пожалуйста. — Варька обиженно выпятила нижнюю губу. — Сама схожу. Тоже мне, подруга называется.

— Чего надулась, как мышь на крупу, — прикрикнула на нее бабушка. — Одна про сапоги, вторая — про пироги. Лучше б посуду помыла.

— Я помою, Марфа Васильевна, — пообещала Елка.

— Так у тебя ж урок.

— Он через сорок минут, успею.

Мыть посуду полагалось в тазике, куда Марфа Васильевна плеснула горячей воды из стоящего целый день в печке чугунного горшка. Варьку эта процедура раздражала, а Елке неожиданно нравилась. Почему-то на нее сходило умиротворение, когда она намыливала в тазике тарелки, чашки и ложки, а потом выливала мутную воду и споласкивала посуду чистой холодной водой под висящим в углу кухни ручкомойником. Воду с колодца носили заранее, чтобы она немного прогрелась

в стоящем у печки чане, иначе была такой ледяной, что ломило руки. Зубы тоже ломило, но Елка все равно пила: такой вкусной была эта холодная колодезная вода. И за два месяца ни разу не простудила горло.

Она вымыла посуду, взяла ноутбук и снова вышла во двор. Грех в такую погоду сидеть в помещении. Зима впереди долгая, тогда и насидятся. Уютно расположившись в гамаке, растянутом между двумя старыми яблонями, Елка раздала с телефона интернет и вышла в скайп. До начала урока было еще минут семь, поэтому оставалось только ждать, лениво подставив лицо солнцу и закрыв глаза.

Воздух был наполнен летними звуками и ароматами. Елка старалась различить их сквозь смеженные веки. Вот, сердито звеня, пролетел шмель, а вот тоненько запела паутина, бережно принимая попавшую в нее невезучую муху. Ж-ж-ж-ж, дзынь-дзынь... Вот на мягких лапах, крадучись, прошла кошка Марыся, выслеживающая ежа. Он жил в траве у самого забора, Елка иногда ходила его кормить. Ш-ш-ш-ш, жалобное мяуканье. Похоже, выследила.

Снова какие-то шаги, явно человеческие, но тоже крадущиеся. Елка не успела их класси-

тихий, практически неразборчивый шепот, из которого ухо вычленяло лишь отдельные слова. Неизвестный голос, кажется, мужской, произнес «злато», «покалечилась» и «мы же на «ты», а еще «паразит».

Соседи ссорятся. Елке стало скучно. Звонок в скайпе оповестил о начале урока, и она тут же забыла о чужих разговорах, которые к ней не имели никакого отношения. Освободившись через час, она отнесла в дом ноутбук. Марфа Васильевна на кухне колдовала над купленной на ужин уткой, а заодно собиралась печь пирог с яблоками. Он у нее получался божественно. Елка предложила помощь, но была отвергнута, мягко, но решительно.

— Не поможет рвение, если нет умения, — сказала Марфа Васильевна, усмехнувшись, — ты лучше иди погуляй, деточка.

— Я тогда Варю поищу, — сказала Елка, — а то ее что-то долго нет.

— Поищи, поищи, а назад вертаетесь, будем чай с пирогом пить. И варенье я с утра сварила из арбузных корочек с клюквой. Не ела, поди, никогда такого.

Елка призналась, что не ела, и вышла из дома, а затем и из двора на жаркую, чуть пыльную улицу, искренне недоумевая, откуда

у Варькиной бабушки столько умений. Надо же, варенье из арбузных корок с клюквой! И куда, спрашивается, подруга подевалась? Тащиться на другой конец деревни, чтобы искать Варьку на поле, где она собиралась нарвать цветов, было неохота. День раскочегарился вовсю и был жарким, сонным. Деревня словно вымерла, главная улица оказалась пустынной, даже вездесущие детишки, приехавшие к бабушкам на каникулы, не бегали, не катались на велосипеде, не кричали звонкими голосами на всю округу.

На речку, что ли, сходить? А Варька сама найдется, не маленькая. Может, уже познакомилась с кем-то, и Елкин приход ее совсем не обрадует. У подружки была навязчивая идея найти себе парня. Ее ужасно угнетало, что к девятнадцати годам у нее нет кавалера, и она просто грезила выйти замуж.

Елка, к слову, тоже одинокая, этого не понимала. Вокруг столько всего интересного: учеба, концерты, выставки, китайский язык, путешествия, книги, наконец. Жизнь не вращалась вокруг мужчин, а что касается любви, то она была уверена — всему свое время. Как говорил внезапно возникший в жизни их семьи сын Инессы Леонардовны, то есть двоюродный брат папы Глеб Еρμο-

лаев: «Бог управит». А значит, и суетиться ни к чему.

Приняв решение оставить Варьку наедине с ее глупой затеей, Елка свернула с главной улицы на боковую, а оттуда на узкую тропинку между деревьями, ведущую к речке. Это самый короткий путь. Здесь было довольно сумрачно, потому что разросшиеся деревья сплетались кронами, практически не оставляя шанса солнцу.

Земля в постоянной тени казалась влажной и слегка разъезжалась под ногами, отросшая трава доходила до середины бедер, и вообще-то идти тут было довольно неприятно. Обычно они бегали на речку вдвоем, и легкого неудобства Елка не замечала, но сегодня ей вдруг захотелось вернуться. Где-то в глубине дикой неухоженной рощицы притаилось чудовище. По крайней мере, ей так казалось.

— Это все твое дурацкое воображение, — шепотом сказала она себе. — Совсем недавно ты считала, что в имении в Резанке живет привидение, уверяла в этом окружающих и оставляла молоко с печеньем. А потом выяснилось, что тебя просто разыгрывали.

Не желая идти на поводу у собственных страхов, она двинулась дальше, тем более что выход из рощицы, где вьющаяся среди дере-

вьев тропинка выводила на дорогу, за которой начинался собственно берег, уже виднелся впереди. Стон раздался, когда до него оставалось шагов двадцать, не больше.

Елка остановилась и прислушалась. Стон повторился, отчетливый, жалобный, полный муки. Мурашки побежали по рукам, шее, вдоль позвоночника. Она понимала, что нужно бежать, спасаться, но ноги словно приросли к земле, по крайней мере двинуться с места она не могла.

— А-а-а-а, — пожалуй, стонал мужчина. И из этого вытекало как минимум одно важное следствие: бежать нужно было как можно быстрее. — О-о-о-о! Помо-ги-те...

Ругая себя за глупость и беспечность, Елка медленно начала приближаться к месту, откуда доносился стон. Сделав шагов десять в сторону и стараясь держать в поле зрения спасительный выход из рощицы, она увидела скрючившегося в траве мужчину. Он лежал, обхватив себя руками за живот крест-накрест.

— Простите, вам плохо? — Большой глупости спросить нельзя — то, что мужчине худо, видно невооруженным глазом.

Стон был ей ответом. Озираясь в надежде на неожиданную помощь, Елка подошла и присела, взяв мужчину за руку, пытаюсь

нащупать пульс. Рука была вялая и влажная, пульс частым и слабым, а лицо у мужчины покрыто крупными каплями пота, хотя под деревьями совсем не жарко, прохладно даже. По крайней мере, Елку слегка знобило. Или это от испуга?

— Я сейчас кого-нибудь позову, — пообещала она. — Мне самой вас не вытащить отсюда, а тут явно нужен врач. Скажите, что произошло, чтобы они приехали уже с нужными лекарствами. Что у вас болит? Сердце? Живот? Вас ударили? Ранили? Что случилось?

Мужчина открыл глаза и уставился на нее, словно прожигая в лице дыру. Елка даже попятилась немного, таким горящим был его взгляд.

— Солитёр, — отчетливо сказал мужчина. — Это солитёр виноват. Злато.

Старинное и редкое слово «злато» Елка уже сегодня где-то слышала. А солитёр — это, кажется, червь такой, поедающий внутренности. Или это он пасьянс имеет в виду? Черт бы побрал эти слова, имеющие двойное значение!

Впрочем, на филологические изыски времени не было совсем. Еще раз повторив слово «солитёр», что бы оно ни значило, мужчина закатил глаза и потерял сознание. Елка

со всех ног бросилась бежать обратно через рощу, чтобы привести на помощь Марфу Васильевну. Это было лучшее, что она могла сделать: Варькина бабушка обладала нескончаемым здравым смыслом и потрясающими организационными способностями.

В этот раз она тоже оказалась на высоте. Выслушав сумбурное сообщение, Марфа Васильевна сразу вызвала «Скорую помощь», а также позвонила участковому.

— На всякий случай, — деловито сообщила она в ответ на осторожное замечание, что крови на месте происшествия не видно, да и вообще, может, человеку просто плохо.

— Может, — согласилась Марфа Васильевна, — только если это не так, потом все окажется сложнее. Так что пусть Павлуша сразу все осмотрит, на всякий случай.

Павлушей звали участкового лет сорока, тучного и одышливого, но для Марфы Васильевны все, кто младше ее, проходили по категории Павликов, Васяток и Николенок. И никто, разумеется, не спорил.

Все звонки она совершала одновременно с другими действиями. Сняла фартук, поменяла домашние тапочки на уличные галоши с ворсовой подкладкой, сунула в карман домашних брюк какие-то таблетки, придирчиво

отобранные в ящике буфета, сдернула с дивана клетчатый плед, налила в бутылку воды.

Бутылка была модная, из тех, что продаются в спортивных магазинах, очень стильная. И домашние брюки тоже были стильными, совсем не деревенскими, да и вообще всем своим обликом Марфа Васильевна на сельскую бабку не тянула. Впервые за два месяца жизни в ее доме Елка вдруг задумалась над этим несоответствием: жизнь деревенская, говор простонародный, а внешний вид, как у придворной статс-дамы. И стрижка модная, и волосы умело подкрашенные.

— Елочка, пойдем, я вроде все взяла.

— Куда? — не поняла она, вынырнувшая из своих раздумий.

— Как куда? Покажешь мне, где лежит этот несчастный.

— Нет, — замотала головой Елка и ногами переступила, как норовистая кобыла, — я туда не пойду.

— Елена! Мы не можем оставить человека без помощи.

— Но вы же «Скорую» вызвали. Они и помогут.

— «Скорая» минут сорок ехать будет. В полном соответствии с нашими дорогами и состоянием отечественного здравоохране-

ния, — припечатала Марфа Васильевна. — Да и в любом случае нельзя оставлять человека одного в беде. Доброму человеку помощь — не убыток.

— Я боюсь, — жалобно призналась Елка.

— На всякую беду страху не напасешься. Ну ладно, — смягчилась она, видя, что глаза у нее стали как блюдца, — ты близко не подходи, в стороне постой, я сама посмотрю, что там и как. А ты «Скорую» встретишь. Пошли.

Ослушаться Елка не осмелилась и уныло поплелась следом. Больше всего она боялась, что за время ее отсутствия неизвестный мужчина умер. С прошлого лета, когда в имени убили сначала Инессу Леонардовну, а потом ее падчерицу Светлану, Елка была не готова снова увидеть труп, да еще и криминальный. Но лежащий в траве мужчина был жив, хотя и без сознания.

Издали Елка видела: Марфа Васильевна деловито опустилась на колени, как она сама давеча, взяла мужчину за руку, чтобы нащупать пульс, сердито покачала головой, поджав губы, — пульс ее, судя по всему, не порадовал. Достала из кармана ампулу, надломила кончик, поднесла к носу лежащего на земле мужчины. «Нашатырь», — догадалась Елка и чихнула, вспомнив резкий неприятный за-

пах. Мужчина же не отреагировал никак: видимо, обморок его был слишком глубоким, а положение достаточно серьезным.

Свернутый плед Марфа Васильевна подложила под его голову и этим решила ограничиться.

— Вы понимаете, что с ним? — спросила Елка издали.

— Признаться, нет. Он не ранен, это все, что я могу сказать. Может быть, инфаркт или инсульт, может, желудочное кровотечение, а может, по голове дали.

— Вы его знаете?

— Нет, впервые вижу. Он не наш, не деревенский.

Это Елка и сама видела. Мужчина был одет не так, как местные мужики. На нем были светлые джинсы приличной марки, мокасины на босу ногу и рубашка поло с характерным крокодилчиком на левой стороне груди. Ее отец любил одежду этой марки, поэтому Елка примерно представляла, сколько она стоит. Некоторые местные мужики в месяц столько зарабатывали — те, которые в принципе имели работу.

Послышались треск веток и сопение — кто-то большой и тяжелый шел через рошу. Елка сначала напряглась, но тут же рассла-

билась. Из кустов появился участковый Павел Никанорович, Павлуша.

— Чего, Васильна, не живется тебе спокойно? — загудел он низким, хорошо поставленным голосом. — Мне только трупа на вверенном участке не хватало!

— Не труп он, — информировала Варькина бабушка. — Но если «Скорая» задержится, то вполне может им стать. Что с ним, не разберу. Может, хворь какая, а может, и без злого умысла не обошлось. Сам посмотри, Павлуша!

Она посторонилась, чтобы полицейский мог осмотреть неизвестного. Присесть ему мешал большой живот, поэтому Павел Никанорович неуклюже наклонился, оттянул верхнее веко у пострадавшего. Тот застонал и дернулся, но в себя так и не пришел.

— Зрачок суженый, кожные покровы холодные и влажные. Мужик без сознания. Такое чувство, что его клофелином накачали, — мрачно сказал участковый и, кряхтя от натуги, принял вертикальное положение. — Правда, я такого уже лет пятнадцать не встречал. А ты, Васильна?

— А я никогда такого не встречала. Только в детективах, — вздохнула та.

— Это не я, а гостья моя. Вон стоит. Варюшки моей подружка. Да я вас знакомила, когда ты чай заходил пить.

— Помню-помню. Вас, девица, кажется, Еленой зовут?

Та кивнула, мечтая провалиться сквозь землю.

— Ну, давайте рассказывайте, как дело было.

Елка послушно рассказала.

— Он говорил что-нибудь?

— Только «помогите», а потом еще про золото и что во всем солитёр виноват.

— Ишь ты, золото! А что конкретно говорил?

— Да ничего. Это даже не связная речь была, а так, отдельные слова. Да, он так странно произносил это слово: не золото, а злато. Да. Точно. Злато.

Какое-то смутное воспоминание снова шевельнулось у нее в голове, но тут приехала «Скорая», поднялась положенная в таких случаях суматоха, и стало не до этого. Мужчину погрузили в машину и увезли.

— Что будешь делать? — спросила Марфа Васильевна участкового.

— Пока ничего. Подожду, когда медики вердикт вынесут, что с ним такое. Может, он

метанолом траванулся, и это бытовуха в чистом виде, а никакого не преступление.

— Павлуша, — с мягким укором произнесла Марфа Васильевна.

— Чего?

— Ну, что ты как маленький! Понимаешь же, что человек неизвестный, документов при нем нет. Вообще ничего, даже банковской карты, без которой нынче ни один уважающий себя человек из дома не выйдет. И телефона нет. Такое чувство — у него специально все забрали, чтобы нельзя было догадаться, кто это такой. И ты не собираешься ничего делать?

— Базу потеряшек пробью, — буркнул Павел Никанорович. — Вдруг заявлял кто о пропаже.

— И снова мимо. Если он и пропал, то от силы пару часов назад. Его еще сутки никто не хватится, а если и хватится, то заявить может не сразу. Так что нет его в базе, к бабке не ходи.

— Васильна, ты чего от меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты голову включил, — сердито отрезала та. — Леня лени с места встать да ложку достать. Человек не местный, значит, приехал к кому-то.

— И что? Мне все дома обойти велишь?

30 Спросить, не вы ли гостя дорогого траванули?

— Дома не дома, а в магазин загляни. Человек с дороги вполне мог туда за подарочком каким зайти: за конфетами там, за вином. А еще Варька моя сегодня в ажитации была невероятной от того, что дорожные рабочие лагерь в поле разбили. Вдруг он оттуда? По одежде, конечно, не похоже, но может и не работягой быть, а инженером там или еще каким руководителем.

Елка смотрела на Марфу Васильевну во все глаза. Варькина бабушка, кажется, вела расследование, да еще и полицейского почукала, причем так профессионально, что обзавидуешься.

— Ладно, Васильна. За совет спасибо, — еще более недовольно сказал полицейский. — Умешь порадовать под конец рабочего дня. Но я как-нибудь сам разберусь, что мне делать и куда идти.

— Если что узнаешь, расскажи. — Марфа Васильевна была сама кротость.

— Всенепременно.

На том и расстались. Полицейский ушел, а Елка и новоявленная мисс Марпл двинулись в сторону дома. Варьки все еще не было, и Елка начала испытывать смутное беспокойство. В отличие от Марфы Васильевны, которую долгое отсутствие внучки совсем не тревожило.

— К ужину придет, — сказала она в ответ на робкое замечание. — С уткой я, конечно, запоздала, да и пирог в духовку не отправила, так что есть будем часа через два, не раньше. Ты очень голодная?

— Да я еще с обеда сыта, — засмеялась Елка. — Если вам помощь не нужна, то я все-таки сбегая до поля, поищу Варьку.

— Сбегай, коли не терпится. И вот что, девка, вы с ней обе по сторонам смотрите. Чувствую я, что в деревне лихо проснулось. Гляди под ноги: ничего не найдешь, так не зашибешься.

Кивнув, Елка, не заходя во двор, повернула в обратную сторону и двинулась к краю деревни. Все было как всегда. Так же ярко светило солнце, пригревая голые руки и шею, небо над головой было все таким же голубым, пыль от дороги взметалась под ногами маленькими фонтанчиками. И про какое такое лихо говорит Марфа Васильевна? Неужели ее так впечатлила история с найденным без сознания незнакомцем? Или что еще тревожит?

Варьку, покрасневшую и довольную жизнью, она нашла в разбитом дорожниками лагере. Та сидела у сколоченного стола рядом с одним из вагончиков, ела черную смороди-

ну и слушала высокого молодого мужчину, увлеченно что-то рассказывающего.

— Ой, Елка пришла! — воскликнула она. — Ребята, знакомьтесь, это моя подруга.

— Здравствуйте, — поздоровалась вежливая Елка. — Варь, ты что так долго? Мы с Марфой Васильевной тебя уже потеряли.

— Так позвонили бы, — искренне удивилась та. — Я и не думала пропадать.

Почему-то мысль о том, что можно не ходить на другой конец деревни, а просто набрать номер, не приходила Елке в голову. Или она сама себя обманывает и сюда ее пригнало вовсе не беспокойство за подругу?

— Меня Елена зовут, — сказала она собеседнику Вари. — А вас?

— А меня Олег. Я — бригадир вот этих оболтусов, — он обвел рукой вагончики. — Приятно познакомиться.

— А сколько вас человек?

— Двадцать шесть, — немного удивленно ответит Олег.

— И все на месте?

— Нет, должно быть двадцать восемь, но двое задержались в городе. — Казалось, собеседник удивлялся все больше и больше. — А что?

Интересно, давала эта информация что-то или нет? Мог быть найденный в роще человек одним из опоздавших ремонтников?

— Там одному из приезжих плохо стало, — расплывчато сообщила она. — Его «Скорая» забрала. Вот я и подумала, может, ваш.

— Где там? — уточнил Олег. Видимо, мужик он был конкретный. — Нашим всем вроде хорошо.

— В деревне. В роще неподалеку от реки. Никто у вас туда не собирался?

— Мы собирались, но ближе к вечеру. — В голосе Олега появилась то ли тревога, то ли растерянность. — Нам Варя обещала показать, где тут у вас речка.

— В общем, если выяснится, что у вас кто-то пропал, то вы сразу участковому сообщите. Тот мужчина, которому стало плохо, без документов и проходит как неизвестный. Участкового Павел Никанорович зовут.

— Елка, правда, кого-то неизвестного в деревне нашли? И что, без сознания, да? — жарко зашептала Варя. — А кто нашел? И как?

— Да я и нашла, — с досадой призналась Елка. — Мужчина лет тридцати пяти, может, сорока. Одетый очень прилично, но ни телефона при нем, ни документов, ни денег. Ни-

чего. Сначала стонал, а потом отключился. Я за твоей бабушкой сбегала, а она врачей вызвала и участкового.

— Ух ты, а я все пропустила, — искренне огорчилась Варя. — Олег, точно не из твоих? Если бабушка не знает, кто это, значит, точно приезжий.

Бригадир дорожников поднялся и пошел к вагончикам. Елка и Варя остались за большим столом вдвоем.

— Вы выглядите так, словно хорошо знакомы, — сказала Елка подружке. — Ты бы ни за что не стала панибратски общаться с человеком, которого впервые увидела пару часов назад. Варь, колись давай!

Та потупила глаза.

— Я все время забываю, какая ты глазастая. Ну да, мы еще весной познакомились. Я в магазине кошелек выронила, а Олег поднял и вернул. Мы пару раз встретились, а потом они на объект уехали. У них же лето — горячий сезон, практически круглосуточно работают, а потом зимой отдыхают. Выяснилось, что потом они сюда, в деревню, заедут. Я потому сюда на все лето и отправилась, чтобы к Олегу поближе быть, а они на предыдущем объекте задержались и только сейчас приехали. Мы с ним все это время переписывались.

Так вот почему подружка решила почти все лето провести в деревенской глуши! А Елку с собой позвала, чтобы не скучно было дожидаться кавалера.

— А мне почему не сказала?

— Сглазить боялась, — смущенно призналась Варя. — Ты ведь не сердисься, да?

— Не сержусь, — вздохнула Елка. — По крайней мере, понятно, с чего тебя вдруг потянуло с незнакомыми людьми общаться. Со всем на тебя не похоже, если честно.

Вернувшийся бригадир выглядел слегка растерянным и сердитым.

— Вот что, девушки, — сказал он мрачно, — похоже, нам нужен ваш участковый.

— У вас кто-то пропал? — встрепенулась Елка.

— Нет, у нас кое-что нашлось. — Голос Олега стал еще мрачнее. — Один из наших ребят, Серега Круглов, ходил в магазин и нашел в канаве мужскую сумку. Борсетку, а в ней паспорт, водительские права, телефон, карты банковские. Полный набор, в общем. И никому ничего не сказал, дебил!

— А человека? Человека он видел?

— Говорит, что не было никого. Просто в канаве сумка лежала. Канава-то травой заросшая. Он заметил только потому, что

у него шнурок развязался. Серега наклонился завязать, у него из кармана на рубашке телефон выпал — и в канаву. Он полез доставать, начал в траве руками шарить, а там борсетка лежит.

После недолгого обсуждения было принято решение вместе идти в деревню, в дом к Марфе Васильевне, а уже туда вызывать участкового, чтобы показать находку. Отправились вчетвером: Елка, Варя, Олег и нашедший чужую сумку Серега. Документы оказались на имя Куршева Валерия Николаевича, и это имя никому из присутствующих ничего не говорило. Фотография в паспорте свидетельствовала о том, что в роще без сознания Елка нашла именно этого человека. Но как он оказался там, довольно далеко от магазина и расположенной рядом с ним канавы, где нашлась борсетка, оставалось неясным.

Помимо документов и кошелька, в борсетке лежала коробочка от ювелирного украшения. Как отметила Елка, из-под кольца.

— А почему не серег или какой еще броши? — спросил участковый.

— Ну, это же очевидно, — снисходительно улыбнулась Марфа Васильевна и подмигнула Елке, как своей. — Прорезь в бархатной подушечке одна, именно под кольцо. Коробочки

для сережек выглядят совсем иначе, а уж для крупных украшений — тем более.

Она подцепила ногтем подушечку, вытащила ее и извлекла на свет божий бирку с пломбой, какие всегда прикрепляют к ювелирным украшениям. «Бриллиантовое небо», — было написано на ней. Кольцо. Белое золото. 1Бр КР572/4 А 3 ст. Размер 17. Цена 9 150 000 рублей.

Участковый почтительно присвистнул:

— Нормальная цена! Я такого никогда в жизни не видел.

— Так ты, Павлуша, и сейчас не видишь, — насмешливо сказала Марфа Васильевна. — Кольца-то нет. Это не вы ли, случаем, молодой человек, его скоммуниздили? — Последнее относилось к Сергею.

Тот заалел маковым цветом:

— Нет. Я ничего не трогал. Я вообще не собирался себе сумку оставлять. Думал, потом поищу хозяина. Не оставлять же документы в канаве.

— Ну да, ну да, — согласился участковый. — И что же вся эта тарабарщина обозначает?

— Здесь лежало бриллиантовое кольцо. Из белого золота, с одним бриллиантом. Форма огранки круглая, на пятьдесят семь граней, —

начала объяснять Елка. — Цвет — два, чистота — четыре. Это значит, что бриллиант почти бесцветный, его оттенки может заметить только эксперт, и показатель чистоты у него очень высокий. Вес камня очень большой для кольца — три карата. Потому и цена соответствующая.

— А вы, девушка, прекрасно разбираетесь в бриллиантах, — с уважением сказал участковый.

— Папа объяснил, когда покупал маме подарок на годовщину знакомства, — пожала плечами Елка. — Я запомнила, потому что... Просто запомнила.

— Потому что бриллианты — лучшие друзья девушек, — чуть насмешливо сказал Олег. — Повезло вашей маме, Елена! Не каждой женщине муж может сделать такой подарок.

Вид у него при этих словах стал слегка смущенным.

— Не каждая женщина такой подарок и ждет, — тут же отреагировала Варя.

— Интересно другое, — задумчиво сказала Марфа Васильевна. — Куда девалось само кольцо, а также кто такой Валерий Николаевич Куршев? Никогда не встречала упоминания об этом человеке.

— Разберемся, — буркнул участковый.

Он с Олегом и Сергеем были приглашены остаться на ужин и с удовольствием отведали утки с брусникой и пирога с яблоками. Варя светилась счастьем, ее мудрая бабушка прятала улыбку, а Елка была тиха и задумчива, потому что загадка случившегося не выходила у нее из головы. Чудное лето, вот как есть чудное!

Кольцо с бриллиантом на три карата из белого золота. Не оно ли стало причиной случившегося? Золото... Злато... Мгновенная вспышка вдруг озарила мозг. Про злато говорил мужской голос за забором, который Елка слышала незадолго до своего урока. Так, а что он еще говорил? Она напрягла память. Так, слышала слова «злато», «покалечилась», «мы же на «ты» и «паразит».

Интересно, солитёр — это же глист, то есть паразит. Может быть, именно про него шла речь? А злато все-таки имело отношение к кольцу. Только куда оно подевалось? И с кем пострадавший мужчина на «ты»? Кажется, в соседнем с Марфой Васильев-ной доме, том самом, который отделен забором, жила не очень приветливая девушка лет двадцати пяти. С Варькой и бабушкой она вежливо здоровалась, а с Елкой начала только к концу первого месяца ее пребывания

в деревне. Ну ладно, возьмем за основу, что Куршев Валерий Николаевич разговаривал именно с соседкой. Вот только где она покалечилась? Или Елка не поняла и речь шла про что-то другое?

Хоть она и стеснялась выглядеть глупо, но все-таки высказала свои сомнения вслух.

— Да ну, — усомнилась ее словам Марфа Васильевна. — Моя соседка Оленька Прохорова не могла ни с каким мужчиной разговаривать.

— Факт, — подтвердил участковый.

— Почему? — не поняла Елка. Она сама слышала разговор за забором. Не мог же он ей почудиться.

— Да потому что она через несчастную любовь с собой покончить пыталась, — вздохнула Марфа Васильевна. — Где любовь, там и напасть. У моря горе, у любви вдвое. Она в городе познакомилась с мужчиной, военным, кажется. Сладилось у них там, вот Оленька и заявила матери, что замуж выходит и с любимым уезжает. На Камчатку, что ли. Ну, мать-то ее, Наталья Григорьевна, белугой выла, мол, надо, доча, сначала узнать человека получше. Дело ли, спустя две недели замуж бежать. Обманет он тебя и бросит, вот как пить дать.

— И что случилось? — заинтересовалась Елка.

— Да то и случилось, что права мать-то оказалась. Перед свадьбой исчез жених этот, как и не было его. А Оленька вены себе перерезала и в психиатрическую больницу попала. А как выписалась, в деревню переехала, в бабкин дом, что по соседству, и на мужчинах крест поставила. Почитай уж, года три затворницей живет.

— А на что живет-то? — удивилась Елка.

— Портнихой зарабатывает. Такие наряды шьет, что городские модницы к ней в очередь становятся. Только с женщинами работает, из дома почти не выходит, да вы и сами видели. С матерью своей не общается, обвиняет ее в том, что жених сбежал. Наталья Григорьевна пару раз приезжала, так Оленька ее на порог не пустила. Вот какая драма. Не спится, не лежится, все про милого грустится.

— Так, может, этот Куршев и есть ее пропавший жених? — воскликнула Варька. — Нашелся, вернулся, а Оленька его взяла и клофелином траванула. Отомстила за то, что он ее три года назад бросил.

— Да откуда у нее клофелин? — всплеснула руками Марфа Васильевна. — Рецепт

турный препарат, а она молоденькая, повышенного давления и в помине нет.

— Надо, наверное, сходить и спросить, — мрачно сказал участковый. — Откуда-то в деревне этот самый Валерий Николаевич появился.

— Ага, Павлуша. Ты сходишь, а она опять побежит вены резать, — мрачно заметила Марфа Васильевна. — Тут осторожно надо, деликатно. Ваша воля, да и в нем есть доля.

— Не могла Оля ни с кем сегодня разговаривать, — вмешалась Варька. — Я точно знаю.

— Это с чего бы? — Марфа Васильевна смотрела внимательно. Знала, что ее внучка пустых слов не бросает.

— Я ее на улице встретила, когда к Олегу шла. Она на трехчасовую электричку торопилась. К какой-то важной клиентке на примерку в город собралась. А до станции сорок минут ходу.

— У меня урок был на три часа назначен. Значит, я разговор этот странный где-то без десяти три слышала. Получается, это и в самом деле не могла быть ваша соседка. Но кто тогда на ее участке разговаривал?

— Ладно. Будем надеяться, врачи этого самого Валерия Николаевича откачают, он нам и расскажет, что с ним такое приключи-